

Дарья Леднева

16+

Козий бог

фантастический детектив

Дарья Леднева

Козий бог

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Леднева Д. М.

Козий бог / Д. М. Леднева — «ЛитРес: Самиздат», 2017

История из цикла о Зеленомховске. Тихое утро. На железнодорожных путях находят изуродованное тело. Но кто это сделал? Человек или сверхъестественная сущность?

Дарья Леднева Козий бог

Если ранним утром, ещё до петухов, пробежаться через васильковый луг, спрыгнуть в сырую, чавкающую низину, по колено мокрым от росы промчаться через наклонившиеся к земле и переплетающиеся между собой травы, то попадешь к изгибу реки, над которым одиноко нависает старая ива. Как же свежо с утра! Как хорошо стоять на краю обрыва, над студёной водой, вечно студёной, несмотря на жаркие летние месяцы. Но вот вскоре встанет солнце, напечёт, раскалит воздух, от земли повалит пар, и к полудню будешь задыхаться от духоты, глотая пыль.

На другом берегу вздымается насыпь, и сквозь песок к ветру тянутся чахлые растения, с пожухлыми краями листьев. По насыпи проложена одноколейка, с рассыпающимися в труху деревянными шпалами и рельсами в разводах ржавчины.

Цвет семафора обычно – зелёный, изредка, раза два в день сменяется на красный, означая приближение электрички дальнего следования. Редко, но кто-нибудь нет-нет да и заглянет в глубинку.

Семафор вспыхнул красным. Значит, сейчас по железной дороге промчится состав. Вот появляется из-за поворота, размеренным грохотом разрывая утреннее очарование.

Машинист Симеон Андреич зевает: это его самый не любимый маршрут, начинающийся рано утром за пять станций от Зелёномховска и заканчивающийся на одном из вокзалов столицы! И всё ради дачников, конечно, не тех, которые постоянно живут в деревне, а тех, кто наездами, притворяются, что им есть дело до огородов.

Перед поворотом Симеон притормозил. Конечно, по одноколейке в это время не должно идти встречной электрички, но лучше перестраховаться, вдруг вынырнет из соснового леса? К тому же Симеону нравилось медленно подкатывать к станции и высматривать редких пассажиров. А ещё очень хотелось вздремнуть! Монотонно тихое утро, почти бессонная ночь – сплошное томление!

Чуть притормозив, Симеон потянулся за термосом с чаем. И когда вновь взглянул на дорогу, то увидел чёрную грудку, накрытую плащом, которая лежала через рельс.

– Пьяный, что ли? — подумал машинист и сильнее надавил на тормоза. Электричка ползла лениво и плавно остановилась.

– Алло, диспетчер?

– Слушаю.

– У меня препятствие на путях. Запрашиваю разрешение на остановку.

– Остановку пятнадцать минут разрешаю. Уберите препятствие и доложите.

«Но хоть проснись!»

Машинист открыл дверцу кабинки и спрыгнул на откос из мелкой дроби гранита, серого с вкраплениями тёмно-красного, точно в камне застыли бусины малины. Споткнулся и съехал на полметра.

– Вот чёрт. Штаны испачкал. Любаша опять весь вечер будет мозг выносить. Ну, мужик, я тебе сейчас устрою.

Взобрался, отряхнулся. Ударил лежачего по плечу.

– Мужик, подъем! Электричке проехать не даёшь. Давай вали отсюда, а то перееду к чёртовой матери. Вставай, сволочь!

Но обнаглевший пьянчуга не шевелился.

– Алё, гараж! Давай! — Симеон ещё пару раз пнул мужика, но тот спал сном младенца.

– Ах ты чёрт! Да что тут будешь делать!

Машинист перевернул пьянчугу и в ужасе отшатнулся, вновь скатившись по откосу и разодрав брюки на заднице, чтобы Любаша вечером с иголкой не заскучала.

– Вот дерьмо! И что мне с этим делать? Это же надо было так вляпаться. Лучше б я не тормозил. Вот дурак-то, ой, блин, ну и вынесет мне вечером мозг Любаша. Ну, ё-моё.

Полицейская машина встала у ворот со шлагбаумом в садовое товарищество. Залаляли собаки, прыгнули на сетчатый забор.

– Назад, Азорка, назад, Чёрный! — из каменного дома с плоской крышей вышел сторож, дед Степан. Почти облысевший – только два завитка и осталось, в толстых очках, но для своего почтенного возраста – восемьдесят шесть – очень крепкий и здоровый старик.

– Шлагбаум не работает. Михалыч поехал автобусом в город. Так что извиняйте, дамы и господа.

Майор Николаев Павел Антонович и стажёр Василенова выбрались из машины.

– Ну, и где? — мотнула головой стажёр.

Николаев подавил тяжёлый вздох. Прошлогодня напарница, Анна Безликова, нравилось ему куда больше: тихая, едва заметная и, главное, смышленная. Правда, смышлённость её и сгубила. Было у них в конце августа дело о пропавших на болоте любителях шашлыков. Безликова помогла арестовать убийцу, вернее, не убийцу, а того, у кого нашли вещи пропавших, а заодно и вещи всех, кто исчез за последние пятнадцать лет. А в ноябре, когда все нормальные люди по домам сидят, Безликова и говорит майору: «Павел Антонович, вы как хотите, но что-то нечисто с этими болотами». — «Да что нечисто? Ну, плутают люди в лесу, тонут». — «Всё равно... И тот домик пустой, где собака лаяла, и этот странный Грибник – всё это мне покоя не даёт. Разрешите ещё раз съездить, к месту приглядеться». Отпустил её, дурак, отпустил. И больше Анну Безликову никто никогда не видел. Майор, конечно, искал, в участке всех на уши поднял, заставил лес прочёсывать, но – ничего. Да и в деревне Безликову никто не видел. Николаев хотел было с Грибником местным, то есть с Афанасием Петровичем, побеседовать, очную ставку провести, но оказалось, что тот ещё в начале октября уехал в город: внук серьёзно заболел.

В общем, в мае к майору приставили Василенову Анфису Георгиевну, девицу, не только глуповатую и лишённую даже намёка на сообразительность, но и в целом странную. Обматывалась вязаным шарфом, вязаным, не шёлковым! Да и шарф был чудной, зверьём вонял и травами, немного лекарствами для стариков, а рисунок на шарфе вычурно пестрил множеством завитков и закорючек, в которых с трудом угадывались ёжик и медвежонок. И при ветре Василенова сразу же натягивала его на голову как капюшон. Начальство ругалось, несколько раз делало выговор за такую форму, но Василенова упорно продолжала носить шарф. В конце концов, в участке все смирились. А вот потерпевшие и свидетели, впервые встретившись со стажёркой, недоумевали.

Вот и сейчас будет так же.

Словом, майор ненавидел этот шарф.

– Пойдём, — сказал Николаев, — нам ещё полчаса пилить. Тут ближе не подъехать никак.

Они побрели по лугу, огибая дачные участки и огороды, по густой до колен траве, усиками, листиками, цветочками цепляющейся за форму. Солнце уже припекало. Василенова пыхла позади, и майор невольно представлял, как она обливается потом и каким взмокшим вязаным комком доберётся до места.

«Да и сам я буду не лучше».

Наконец, миновали и луг, и особняки за высокими заборами, дерзко напивавшие на поле и огороды, и добрались до железной дороги. Засеменили по разбитым трухлявым шпалам в сторону станции.

Наконец, у поворота, почти у самого семафора показалась чёрная точка. Приблизились. Это курил председатель садового товарищества, у ворот которого пришлось бросить машину. Он выглядел недовольным, потому что звонок из управы поднял его ни свет, ни заря, и пришлось тащиться к путям и искать, куда машинист оттащил тело. А это оказалось не так уж и просто! Диспетчер сообщила только то, что электричка остановилась между поворотом и станцией. Машинист, разумеется, не стал дожидаться председателя, отодвинул труп, доложил диспетчеру и покатыл дальше.

Труповозка с санитарями ещё не приехала. Звонили, сказали: шину пробрили, заменят и через полчаса будут. Как раз солнце ещё напечёт, и труп совсем вздуется. И так уже смердит хуже некуда.

Поздоровались.

– Машинист оттащил его с рельс вон туда, — Григорий Константинович махнул в сторону двух невысоких ёлочек, непонятно как оказавшихся у железной дороги, вдоль которой если и росли деревья, то осины и берёзы, реже – тополя.

– Понятно. А разве этот участок путей к вам относится?

Майор прекрасно помнил, как в прошлом году, когда из Зелёномховска пришло распоряжение провести субботники и навести порядок вдоль железной дороги, Григорий Константинович и председатель соседнего зверосовхоза взвились петухами и чуть не заклевали друг друга до смерти в попытках решить, кто какую часть дороги убирает. Часть у станции была более загаженной, и никто её не хотел. В конце концов, кто-то добропорядочный и сердобольный вызвал полицию. Николаев принял от председателя садового товарищества взятку козьим молоком, картошкой и самогоном, и присудил ему более чистый и дальний участок.

– Да, вот, видимо, всё это моё богатство, — усмехнулся Григорий Константинович.

– Вы знали погибшего? Из местных?

– Да как сказать, — пожал плечами председатель. — Вроде не узнаю. Хотя, может, из зверосовхоза, или из Кашинки, или из Любавинки, они же тоже на нашу станцию ходят. Так что надо искать, опрашивать. Хотя, может, и видел его где-то, но не помню.

Тело лежало под елями, накрытое старой простынёй, чуть пропитавшейся едкими пятнами. Николаев сдёрнул ткань и услышал, как позади едва слышно взвизгнула стажёр. «Пожалуйста, пусть её не стошнит, пусть её не стошнит. Я не заслужил такого позора!»

Глаза стеклянные с лопнувшими красным сосудами. Лицо восковое, перекошенное. Рубашка у горла была разодрана в клочья и окровавлена.

Майор надел перчатки и отодвинул край рубашки: на коже почти нет повреждений, только на пядь ниже ключиц – две кровавых отметины, точно от рогов. Крови мало. Посмертно.

«Вот Варечке работёнка».

На шее покойника висел серый мешочек. Николаев аккуратно его срезал и открыл. Вдохнул душистый аромат знакомых трав, чуть закружилась голова, закашлялся и завязал мешочек.

«Аир и барвинок. Это аир и барвинок так пахнут», — в мыслях всплыл голос бабушки.

– А вы уже здесь! Здорово, Павел Антонович!

От садового товарищества через луг два санитаря в синей форме несли носилки и покрывало.

– Как нам сегодня-то подфартило-то, да? Уже воняет?

– По такой жаре!

– Будешь осматривать или можно забирать?

Майор и Василенова сделали несколько фото погибшего, и Николаев кивнул санитарам:

– Берите, я уже достаточно видел. И скажите, что подробный отчёт нужен к вечеру.

Когда санитары ушли, майор спросил у председателя:

– Где труп изначально лежал?

«Ну и жарища!»

Григорий Константинович пожал печами. Он тоже запарился. Для встречи с майором он надел накрахмаленную рубашку, но теперь узкий ворот врезался в мясистую шею и поддушивал. Сам председатель был немолод: из тех, которые сначала молодец молодцом, а с возрастом становятся грузными, заплывают, превращаются в шар.

– Да где-то вон там. Диспетчер сказал, что машинист сфотографировал на телефон, вечером пришлют.

Григорий Константинович пожал плечами.

– Может, чаю? Если вы тут всё осмотрели? Вам тут теперь до вечера куковать, если, конечно, хотите опознать тело. Это же сколько народу опрашивать! Да не переживайте. Сейчас слухи сами расползутся. И кто-нибудь заявит о пропаже соседа. Хотя мне этот мужчина не знаком. Может, не местный. Чаю?

– Чаю выпью, — согласился майор, — но через полчаса. Хочу по путям пройтись. Может, что-то есть. Василенова, съезди в зверосовхоз, там есть такой Капитанов Олег Борисович, специалист по рогатому скоту. Покажи ему фото.

– А вы уверены, что Капитанов захочет на это смотреть?

– Уверен. Во-первых, он уже пару раз мне помогал. А что касается нынешнего дела. Раны как будто от рогов. По его части.

– Почему вы так уверены, что это рога?

– Года три назад завёлся тут бешеный бык, пару человек на рога посадил. Раны похожие на эти. Надо выяснить чьи они, а там по ситуации... Хм, мне кажется, я уже что-то такое видел. Где бы только вспомнить...

Глубоко-глубоко зарыто воспоминание. Там на ветру колышется луг синцветов, трепещут колокольчики, ромашки от солнца чахнут краями лепестков, и детский смех струится сквозь сосны, и звонкие стрекозы рассекают воздух, и девочка плачет...

– Ладно, — Василенова хмуро взяла ключи от машины, крутанула их на пальце, и брелок-медвежонок мягко лёг в её ладонь. Медвежонок она сама вязала, чтобы под шарф подходил.

А майор пошёл обыскивать пути. Григорий Константинович, напевая песенку, заторопился ставить самовар.

Осмотр железной дороги мало что дал, но всё-таки удалось найти место, где ночью, видимо, лежал труп. Там на шпалах засохли едва заметные красные пятна. Конечно, кровь могла взяться и по другой причине, поэтому майор отковырял кровавую щепку и положил в пакет для экспертизы. Искать следы было бесполезно – пространство между шпалами да и сам откос уложены гранитом, серым с тёмно-малиновыми, как кровь, вкраплениями; следы ног тут не сохраняются. Ещё следы крови? Обломанные ветки, если тело тащили из леса? Или драка случилась на путях?

Майор огляделся. Лес начинался дальше.

Николаев прошёл по рельсам до кромки леса, но не увидел ни капли крови. Осмотрел опушку, но ни сломанных веток, ни клочков ткани, которые могли бы зацепиться. На свежей траве следов волочения тоже не наблюдалось. Правда, несколько васильков были втоптаны в землю. «Здесь лежало тело или просто кто-то пикник устраивал?»

Васильки колыхались на ветру, девочка плакала сидя на поваленном дереве, ошестинившемся сухими обломками сучьев, а вокруг неё паслись белые козы. Майор потрянул головой, отгоняя навязчивое воспоминание.

«Лезет же в голову всякая муть».

Уже хотел уйти, как заметил лист лопуха, вдавленный в почву, и на нём отчётливо виднелся след копыта, но большего, почти в половину человеческой ступни.

«Корова?» — подумал майор. Огляделся, но ни других следов, ни обглоданных кустиков. Сфотографировал.

Обратно пошёл по другой стороне рельс. Но там вообще глухо: небольшая луговая прослойка, васильки, иногда вереск, одуванчики, колючки чертополоха, высокие заборы, а за ними особняки и таблички «Осторожно. Злая собака». Судя по старой одежде, пострадавший вряд ли жил в одном из особняков или был знаком с кем-то из богачей. Хотя чёрт его знает. Так или иначе, обойти и опросить жильцов придётся.

Майор остановился перед высоким каменным забором, из-за него едва выглядывала крыша кирпичного дворца, и надавил на кнопку звонка.

– Кто? — спросил голос из динамика.

– Полиция. Майор Николаев Павел Антонович. Нужно задать несколько вопросов.

– А что случилось?

– Несчастный случай на путях. Как раз напротив вашего дома.

– Ждите.

Минут через десять на воротах открылось смотровое окошко, и оттуда показалась половина загорелого лица с чёрными усами и густыми бровями.

– Спрашивайте.

– Этой ночью вы видели или слышали что-нибудь подозрительное?

– В плане?

– Может, проходил какой-то подозрительный человек. Или странные звуки?

– Тихо и безлюдно. Последняя электричка около шести отгремела. А кроме молодёжи, тут больше никто не проходил. Кстати, вы бы поговорили с этой шпаной из зверосовхоза. Есть тут такой с ирокезом, уже всех своим мотоциклом достал!

Примерно так прошли разговоры и с жильцами остальных особняков. Жаловались на шпану и особенно на Женю-Пулю, их жоака. Последнего майор прекрасно знал: двадцатилетний детина из зверосовхоза, который время от времени появлялся в Зелёномховске и ошивался рядом с тату-салоном. Пару раз майор арестовывал его за хулиганство, но отпускал, пожалев мать его, женщину тихую, торговавшую кислым творогом и вязавшую шали из овечьей шерсти.

Никто из богачей ничего не видел. Камеры наблюдения были направлены на ворота, вдоль заборов и во дворы, и, скорее всего, тоже ничего не засняли. Но все жильцы согласились предоставить записи, кроме одного, у которого камера оказалась муляжом.

Часам к двум-трём майор вернулся к Григорию Константиновичу, время пить чай, да лучше бы и пообедать.

– Что-то вы не полчаса ходили, а дольше. Совсем запропали, — сказал председатель. — Не бережёте себя, Павел Антонович.

– Щи со сметаной? — встряла его жена, в ярко-рыжей растянувшейся кофте.

– Спасибо, со сметаной. А моя стажёр ещё не вернулась?

– Никак нет, товарищ майор. Да вы не волнуйтесь. Может, её там, в зверосовхозе, молоком козым отпаивают. Да и вообще – жара. Охота ей куда-то ехать. Она же чай не дурочка?

Дом у Григория Константиновича приятно пах свежей смолой. Стол добротный, с резной столешницей. Председатель всё прошлое лето хвастал работой: целую зиму трудился. От времени стол чуть-чуть потемнел, а в углу остались пятна от компота, внуки постарались. Сами внуки сидели наверху лестницы на второй этаж, жевали пирожки и о чём-то перешёптывались.

Майору нравилось у Григория Константиновича. Он часто и без повода приезжал, просто в гости, уютом подзарядиться и отдохнуть от мрачной однушки в Зелёномховске, где даже вода не каждый день лилась из крана.

Очень давно майор жил здесь, проводил каждое лето, пока родители не продали участок. Потом долго сюда не приезжал. А когда вернулся по долгу службы, то увидел, что его старый дом перестроили. Из прежнего осталась только толстая яблоня, которая не плодоносила, но отбрасывала тень, защищала в жару, и никто не решался её срубить.

Майор рассматривал уже не свой дом, думал, построил ли Григорий Константинович его полностью из новых досок, или использовал и старые, которые, может, помнили детство майора.

А вот Николаев детства не помнил. Оно снилось ему иногда сладостными обрывками. Где он срывал голубой барвинок и плёл венок для девочки с тёмно-русой косой, а девочка сидела на поваленном дереве и на голые её плечи садились стрекозы.

Как звали девочку, не помнил. И почему перестал приезжать, не помнил, наверное, в городе оказалось интереснее, играл с мальчишками, у которых не было бабушек и дедушек, чтобы уезжать к ним в деревню.

Щи со сметаной были холодные, кислые, что от удовольствия майор закрывал глаза.

Наконец, внуки Григория Константиновича спустились на кухню.

– Дедушка, мы хотим гулять.

– Ну, идите, только далеко не бегайте, а то майору отдам, — ответил председатель.

– А мы майора не боимся. Он хороший. Товарищ майор, а вы только людей арестовываете или можете и животных?

– Каких животных?

– А вот тут из зверосовхоза кто-то водит к нашим дачам противных коз. Они два дня назад, знаете, как Сашку забодали! Чуть на рога не посадили. А рожища у них, знаете, какие! Ого!

– Ну это глупости, — перебил председатель. — Просто разок боднули, а Сашка сразу и в плач. Шуму-то было из-за пустяка.

– Вы бегите, играйте. Будут козы обижать, зовите – разберусь, — улыбнулся майор.

К пяти часам солнце смилостивилось. Жара пошла на убыль, и майор с председателем стали обходить дачников. Те как раз вышли в огородах копать. С опушки доносился детский смех. Дачники ночью, конечно же, спали как убитые и никакого преступления не видели и не слышали.

Майор несколько раз набирал номер стажёрки, но Василенова всё никак не отвечала.

– Давайте, я вас подвезу до зверосовхоза, — сказал председатель. Ему, конечно, нравилось общение с майором. Приятный молодой человек, детей любит. Не заносчивый, не злобный, в прошлом году помог, дрова на зиму со скидкой подогнал и отмазал от оплаты за не проведённые субботники (дураки-то из зверосовхоза и взаправду железку прибирали), а то уж больно люди из Зелёномховской управы доставали. Но если Николаев не найдёт стажёрку и машину, то придётся оставлять его на ночь, а этого бы не хотелось. Гости – хорошо, но пусть ночуют у себя.

До зверосовхоза доехали минут за пятнадцать и затормозили у покрытого жестяными листами коровника. Рядом на поле паслись бурёнки, привязанные толстой бечёвкой к косой изгороди, и чуть поодаль несколько коз. Из конуры вышла овчарка, зевнула, потянулась. Чуть поодаль грустили без дела трактор, старая газелька, и воткнутый в пень топор для колки дров отражал закат. Вдоль стены амбара тянулась лежанка с дровами. А вот полицейской машины, на которой приехала бы стажёрка, видно не было.

На шум из дома вышел Капитанов Олег Борисович.

– О, какие люди. Здорово. За молочком пожаловали?

– По работе, — сразу же огорчил его майор. — Я отправлял к вам стажёра, Анфису Василенову. Не доехала?

Олег Борисович пожал плечами.

– Сегодня с утра только катафалк на кладбище проезжал, потом дачники с двадцатого участка. И Машенька ко мне зашла, а так больше никого не было. Эта ваша Анфиса хоть дорогу знала?

– Знала.

Майор помрачнел. Но может, тугодумная стажёр просто не туда свернула и потерялась, а телефон не ловит сеть, тут такое часто бывает. Как-никак глушь, дебри, до цивилизации, то есть до столицы, три часа на электричке, вокруг – одни леса, болота, елани и только несколько городишек, где есть школа и поликлиника. Уж с Василеновой станет заблудиться. Как-то раз майор отправил её в только что открывшуюся у заправки закусочную за кофе. Два часа! Два часа она блуждала не пойми где и вернулась, конечно же, без кофе. Зато потеряла удостоверение и умудрилась порвать понизу форменные брюки.

– Ну, я вас оставлю, если больше не нужен, — сказал Григорий Константинович.

– Да, спасибо.

– Да, ты проходи в дом, Паша, — сказал Олег Борисович. — Машенька как раз еловый самовар поставила. Попью чайку, расскажешь, что у тебя за дело.

– Мрачноватое у меня дело для чаепития.

В доме стоял запах смолы, свежих дров и хвои. Только если у Григория Константиновича смола имела оттенок тепла и уюта, то у Олега Борисовича – оттенок умиротворения. И одиночества, но одиночества самодостаточного, благородного.

Маша оказалась высокой девицей с волной взъерошенных тёмно-русых волос ниже пояса. Она как раз заталкивала в самовар последнюю еловую шишку. Самовар стоял в центре стола, и Маше пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться. Наверное, она не была такой высокой, как показалась из-за своей худобы в первую секунду. Ноги у неё были стройные, как у человека, который вынужден много ходить пешком. Белые узкие брюки... Белые! Кто же в здравом уме носит в деревне белые брюки? В них самое то коров доить. Да ещё босоножки на высокой платформе. Пустоголовка, наверняка, похлеще Василеновой.

– Дочка? — спросил майор.

Маша обернулась. Глаза у неё были огромные и зелёные, цвета чуть пожелтевших листьев смородины.

– Нет, — рассмеялся Олег Борисович. — Её дед у меня покупал корма для кроликов, давно это было. А Машенька тоже приходила. С козочками играла. А козочки любили за ней бегать. Веселое было время.

Маша скромно отвернулась. Самовар закипел быстро. Разлила чай. Брала тонкими холёными пальчиками чашки, подносила к кранику самовара, двумя пальчиками, большим и указательным, поворачивала, наливала до краёв, но умудрялась вернуть чашку на место, ничего не расплескав. А на пальцах у неё были тонкие серебряные кольца, почерневшие от времени, ногти острые с модным маникюром. Майор видел, как Анфиса Василенова похожие фотографии в Интернете рассматривала вместо работы. Вот у Анфисы ногти были простые, коротко подстрижены, не крашены, и кожа сухая с трещинками. С Анфисой сразу всё понятно: местная, и на своём месте. А эта Маша?

– Сколько сахара? — голос её звучал резко, неуклюже, будто она редко им пользовалась.

– Две ложки, пожалуйста.

К еловому чаю полагался пирог с курицей. Майор ещё раз набрал стажёрке. Абонент не доступен. Может, она вообще в Москву укатила? Плонула на всё и до свидания? А что? С неё станется. Странная она, эта Анфиса. И на работу-то попала по благу через лучшего друга дяди, который по случаю оказался начальником майора. Сам-то майор и его бывшая напарница Безликова были вынуждены честно отучиться, пройти распределение, опыт жизненный и рабочий получить. А Анфиса? В свой первый день пришла в участок в длинном вязаном платье, зимнем, а на улице жара под тридцать. Стоит у двери, потом обливается, войти стесняется, мямлила полчаса, объясняла кто она и зачем. Разобрались. Приняли. В тот же вечер вызвали к местному клубу разбираться с пьяной поножовщиной. Дельце было плёвое, раны поверхностные, свидетелей куча, правда, тоже нетрезвых. Василенова не успела вылезти из машины, как грохнулась в обморок. Потом оправдывалась: во всём виновата духота. Николаев

тогда сказал ей пару ласковых и посоветовал одеваться по погоде. Девушка обиделась. Рыдала на заднем сиденье, а майор катал её по городу, потому что просто бросить у участка не позволяла совесть, кто обидел – тот и должен успокоить. Ещё Василенова вечно врезалась в дверные косяки, а когда в участке переложили пол, то и вовсе начала спотыкаться на ровном месте. Зато какие вкусные, пахнущие корицей, пирожки по пятницам приносила!

Об этом думал майор, пока пил еловый чай в компании старого товарища отца и незнакомой девушки.

После чая молчаливая Маша распрощалась, взяла два бидона козьего молока и ушла.

– Она тут недалеко, в садовом товариществе живёт.

– Это ей километров пять с бидонами идти-то, — прикинул майор.

– Ничего. Она так с мая ходит. Говорит, решила на дачу переселиться, и теперь вот ходит.

Ну, так что за дело у тебя, Паша?

– Нужна консультация по рогатому скоту, — майор показал фото покойного. — На что похоже? Рога же, нет?

– На следы рогов, но большие какие-то, — нахмурился Олег Борисович, ничуть не испытывая отвращения, будто всю жизнь трупы разглядывал. — Интересно, как это мужик так напоролся?

– Бык? — предположил майор.

– Нет, у быков рога по-другому расположены. Это скорее козёл, только рога очень большие... Это всё?

– Вот ещё, — майор перелистнул фото в телефоне. — След тоже странный нашёл.

– Эка большой какой. Нет, так сразу и не понять, — Олег Борисович пожал плечами.

— Знаешь, что-то смутно знакомое, но никак не соображу что. Вроде видел когда-то, а что не пойму.

– Вот мне тоже кажется, что знакомое... Слушай, моя стажёрка с машиной по ходу совсем исчезла. Может, кинула меня и уже в участке. У вас тут никто в Зелёномховск не собирается?

– Попутчиком хочешь быть?

– Уж очень не хочется ребят напрягать и просить забрать.

– Ну, может, Миха и поедет. Он через дорогу, где песцов разводят.

Вдоль обочины паслись козы, маленькие, белые, с крохотными серыми рожками. Майор не удержался и погладил одну по голове, та тихо проблеяла в ответ.

«Нет, эти продырявить не могли. Мелкие шибко. Обойти завтра что ли весь зверосовхоз? Или эту дурёху отправить? Эх, Безликова уже бы давно нашла рогатого».

У дорожки к низенькому продолговатому зданию, где в клетках содержались песцы и источали ужасный животный запах, стоял старый козёл. Шерсть вылезла клоками, глазки горели красными точками, а кора рогов чуть облупилась. Рожки длинные. И пахло от него чем-то прокисшим, точно подгнивал он.

Майор внимательно посмотрел на него.

«В принципе мог и этот. Хотя рога у него сильно назад загнуты, это же с какого ракурса он должен был мужика ударить? Сальто назад? Нет, копыта у него маленькие. Мой след раза в три больше».

Майор хотел пройти мимо, но козёл преградил путь и злобно что-то проблеял на козьем языке.

– Ух, какой ты, а ну-ка брысь, — притопнул Николаев. Но козёл наклонил голову вперёд, выставил рога и стал медленно наступать. Майор попятился. Не хотел пятиться, но попятился, сам не понимая, почему перебирает ногами, и пополз липкий холодок по телу.

По счастью, владелец песцов как раз выходил из «парника» и отогнал козла, дважды зычно прикрикнув на него и погрозив кулаком. Козёл проблеял ругательство и отбежал прочь.

– Да Тёмыч вообще офигел, за скотиной перестал смотреть. И зачем эту старую гниду держать? Толку от него? Ладно, мужик, поехали. До дома культуры подброшу, а дальше сам.

Пока они тряслись в старом грузовичке, у которого на каждой кочке прицеп подпрыгивал так, что вот-вот оторвётся и улетит, майор спросил:

– Я раньше у Тёмыча не видел этого старого козла.

– А я эту гниду рогатую вижу каждый вечер. Знать пришёл откуда-то. У Тёмыча ошивается. Значит, его.

– А кто у вас ещё коз держит? Тёмыча знаю, Олега Борисовича, Филиппа Отчества-Не-Помню знаю.

– Да много кто. Один с косматой гривой приехал весной, занял старый участок. Документы проверили, оказывается, его земелька, только он пятнадцать лет не приезжал. Потом парочка чурков тоже этой весной приехали. Они участок купили, молоком торгуют и сыр делают. Потом старуха Агафья, у неё пять старых коз. Она, наверное, продавать осенью будет, старая уже, следующим летом, наверное, не приедет. Потом уже совсем на краю, ближе к кладбищу молодая пара поселилась. Тоже коз держат, какой-то у них там бизнес-проект, всякие схемы, графики, планы по производству... Ха! Я всю жизнь живность без всяких наворотов развожу, а у них, значит, бизнес-проект. Из старожилов ещё коз держит Николай Глушков и Сашка Кричков. Опрашивать их, что ли будешь?

Майор пожал плечами.

– Может, и познакомлюсь.

– А что стряслось-то? Я сегодня весь день клетки песцов прибирал.

– Человека убили.

– И думаете на коз? — хохотнул Миха, но хохотнул коротко, будто устыдился.

Майор не ответил.

В участок вернулся, когда смеркалось. Все коллеги уже разошлись по домам. Проверил электронную почту. Железнодорожное управление прислало письмо с фотографией от машиниста. Но ничего особенного на фото Николаев не увидел. Пустая зацепка. Тело просто лежало на рельсе.

На столе – отчёт от патологоанатома. Майор проглядел: похоже, необычного патологоанатом Варя не нашла. Мужчина умер от остановки сердца, часть ран была нанесена уже посмертно, на груди – татуировка с козьими рогами. А вот отметины под ключицами и найденные в ранах частицы заинтересовали. Варя написала, что все образцы отправила на экспертизу. Спасибо, Варя! Толковая девица. Хоть кто-то помогает, а не ставит палки в колёса. Обычно на каждый чих нужно разрешение шефа. А у шефа – лёгкая форма паранойи, он боится, что случись что из ряда вон, могут понаехать большие начальники с проверками и задавать ненужные вопросы. Но Варя умела обходить шефа.

Когда пропала Аня Безликова, майор часто думал: если бы кто-нибудь вовремя настучал в МВД о том, какая чертовщина на этих болотах творится, то, возможно, Аню нашли или она и вовсе не пропала бы. Но шеф велел молчать.

«А у самого кишка тонка. Слабак», — обругал себя майор.

Заглянул к Варе, оставил взятые со шпал образцы.

Спустился на стоянку служебных машин, но его автомобиля не было. Значит, стажёрка так и не вернулась. Или припарковалась у своего дома.

«Чтоб тебя...»

Майор тоже пошёл домой. Пешком минут двадцать. Мимо закрытых на ночь магазинов, мимо яркой вывески «тату-салон». Фонарь перегорел, и в темноте Николаев чуть не споткнулся о припаркованный на тротуаре мотоцикл Жени-Пули, который работал в салоне. Майор хотел зайти поругаться, но раздумал. Как-нибудь в другой раз штраф выпишет.

Было свежо. И в этой свежести отчетливо выделялся запах брошенной недокуренной сигареты, вонь пронёсшегося вдалеке мопеда, сладость козьего молока. Майор посмотрел наверх. Наверное, кто-то выставил на балкон блюдце для кошки. А вон и кошка крадётся по старому дереву, которое почти врезается в дом. Зверь замирает у балкона, принюхивается, фыркает и, развернувшись, спускается, спрыгивает. В темноте майор видит, как светящиеся глаза приближаются к нему, и кошка трётся о ноги.

– Иди давай.

Подсветил телефоном: не кошка, а кот, рыжий, тощий.

– А сколько шерсти на брюках оставил. Сволочуга!

Почти дома.

Однушка под самой крышей. Осенью протекает потолок, летом – грязно-ржавые разводы. В туалете отвалилась последняя кафельная плитка и раскололась на две половинки, острую и тупую, но бетонные стены – красиво и уютно. Чайник кипит-свистит, того и гляди выскочит в окно; чай в кружке с черными краями, в холодильнике только горбушка хлеба, с одного боку уже покрывшаяся голубоватыми пятнами. Кровать стонет и скрипит. Может, даже перевернётся: кровать двуспальная, а майор спит с самого края, боясь занять чужое место, и весь его вес давит с одного края, да, однозначно, однажды кровать перевернётся или треснет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.